

Эпоха аватара

В начале 2010 фильм Джеймса Кэмерона «Аватар» стал самым жизнеутверждающим кино для миллионов зрителей во всем мире. Кто-то по три раза ходил на него ради романа героического американца со строгой, почти как комсомолка на советском экране, хвостатой красавицей. Кто-то – ради масштабных батальных сцен и победы добра над злом. И лишь самые проницательные уловили, что сказка со счастливым финалом, в сущности, история довольно мизантропическая, которая вынесла приговор человечеству почти так же безапелляционно, как в свое время «Догвилль» Ларса фон Триера. Только вот увидели это немногие.

Безысходный финал произведения, замаскированный под хэпи-энд и проглоченный большинством киноаудитории с колой и поп-корном, - то, что переводит «Аватар» из разряда блокбастеров в ранг произведений киноискусства. Но – не только это. Как всякий настоящий шедевр, «Аватар» точно отразил важную черту эпохи – желание большинства свалить подальше из окружающей их реальности, где жизнь отравляют двуногие, по злumu и нелепому стечению обстоятельств тоже зовущиеся людьми. И сочувствие зрителя к Джеку Салли, который сделал ручкой подлым собратьям по человеческой расе и сбежал в мир прекрасных синих существ – это еще и восхищение, и белая зависть к тому, кто осуществил его давнюю мечту.

Кэмерон зашифровал в красивой сказке большой и сложный мировой процесс. А именно - «убегание» людей в царство аватаров – виртуальную реальность интернета, где, как и в «Аватаре» Кэмерона, гордый дух живет вне телесных рамок и может реализовать себя во всем величии. А люди, сбросившие земную оболочку, наконец становятся теми, кем хотят.

Моя бабушка выбирает фотографию на свой надгробный памятник. Занятие, которое кажется вполне себе абсурдным в мои двадцать четыре, наверняка вызовет деловитый интерес лет этак через тридцать – но речь сейчас не о том. Любопытны критерии, по которым бабушка выбирает фото. С надгробья она непременно хочет смотреть не седовласой старушкой, а румяной двадцатипятилетней красавицей, на которую проходящие мимо вдовцы будут украдкой заглядываться в тиши кладбищенских аллей.

В этом смысле моя бабушка ничем не отличается от сотней миллионов пользователей социальных сетей: создавая аккаунт, они тоже хотят отредактировать свою жизнь и процентов на девяносто предопределить, какое впечатление произведут на окружающих.

Способность социальных сетей к подобному преображению уже привела к глобальным последствиям. То, что изначально задумывалось как очередной ресурс для общения и инструмент поиска одноклассников, друзей, знакомых, помимо воли создателей перевернуло мир и открыло новую страницу в истории человечества. В книге интервью «Не надейтесь избавиться от книг» всемирно известный итальянский писатель Умберто Эко и знаменитый французский сценарист Жак Карьер высказывают идею, что появление электронных книг по масштабу явления можно сравнить только с изобретением печатного станка Гуттенбергом. Социальные сети же по эффекту, который они оказывают на человечество, на мой взгляд, можно поставить в один ряд лишь с тем, чего еще не было. Например, с известием, что на Марсе возможна жизнь и всех желающих перебраться на красную планету милостиво просят присылать заявки по указанному адресу.

Вам кажется, что автор утрирует? Вернемся к этому разговору лет через 50, когда скрюченными артритом пальцами будем писать чувственные письма противоположному полу и радоваться, получив от 80-летнегостарикашки, аватар которого тянет на все 50, лишенный аромата виртуальный букетик.

В целом же, на мой взгляд, вести разговор о том, что есть социальные сети, вне футурологического контекста сегодня бессмысленно и безынтересно. Неслучайно вопрос о будущем мира машин, а точнее, мира людей под диктатом машин, волнует умы западных мыслителей не первое десятилетие. Конечно, человечество, попавшее в плен интернет-невода лишь несколько лет назад, еще не может предугадать изменения, которые произведут наши «фейсбуки», «твиттеры» и «контакты». Это невозможно по той же причине, по которой нельзя предсказать негативные последствия использования мобильных телефонов – слишком мало времени прошло. Однако пофантазировать ни мыслителям, ни нам никто запретить не может – Большой Брат сегодня едва ли достиг младшего школьного возраста. Ну, а материала для прогнозов хоть отбавляй. Чтобы получить доступ к информации, нам даже не придется, подобно представителям народа На`ви, засовывать хвост в отверстия типа электрических розеток. Глобальное информационное поле, которое стало у Кэмерона прообразом Эйвы, в нашем распоряжении уже есть.

Welcome to the Worldwide Web, my dear friends!

I

Все мы помним историю Нарцисса – красивого юноши, что сутками любовался своим отражением в ручье, пока его не превратили в цветок. Поучительная история из серии «не смотри, деточка, подолгу в зеркало – растением станешь». Шутки шутками, а это предупреждение сегодня как нельзя более актуально для миллионов пользователей социальных сетей в категории «деточки и старше», которые, вооружившись компьютерами, телефонами и прочими навороченными гаджетами, стремительно превращаются в нарциссов.

Культ аватара, царящий в социальных сетях, а, следовательно, и в умах – разновидность культа тела. Только уже не реального, и виртуального. Для того, чтобы поддерживать его в форме, больше не нужно изнурять плоть в спортзалах и тратиться на дорогие пластические операции. Служители культа нынче меряются не бицепсами, а девайсами.

Вы заметили, как резко в последний год-два выросло количество фотографов и просто владельцев профессиональных фотоаппаратов? Бешеный спрос на профессию катализируется развитием социальных сетей. Если раньше семейные фотоснимки пылились в шкафу, ожидая редких гостей, пролистывающих их с вежливой усталой улыбкой, сегодня у них сотни и тысячи зрителей. Ну, а аватары стали предметом настоящего фетиша. Фотографии, сделанные хорошей техникой, отредактированные в «Фотошопе» и помещенные в верхний левый угол страницы (туда, куда по законам восприятия в первую очередь устремляется взгляд интернет-пользователя) приобретают власть не столько над посторонними зрителями, сколько над своими обладателями. Глядя на красивую картинку, субъект на снимке сам уже верит, что он – не унылое существо, сидящее перед компьютером в застиранной футболке, а прекрасный принц, по-голливудски улыбающийся с экрана. Общаться с миром с пьедестала новой внешности гораздо комфортнее, чем на расстоянии вытянутой руки. Поэтому вместо того, чтобы контактировать в реальности с близкими, человек зависает в он-лайне, перекидываясь ничего не значащими фразами с теми, кого лично видел пару раз, но активно переписывается в сети.

Другая причина – возможность показаться умнее, обаятельнее, остроумнее в интернете, ведь, в отличие от реальной жизни, где 80% информации передается невербальным путем, здесь зачастую гораздо проще произвести приятное впечатление.

Социальные сети – источник занятного парадокса: интернет прочнее всего связывает людей, которые никогда бы не нашли, о чем поговорить, в реальной жизни. Поэтому порой, встречаясь на улице с электронными визави, испытываешь неловкость и трусливое желание перейти на другую сторону улицы. Параллельные миры не пересекаются, и то, о чем говорят аватары, не коррелирует с содержанием диалогов живых людей. Для общения в реальности у большинства пока по-прежнему остаются

друзья и близкие. Однако социальные сети-вампиры отбирают все больше времени, и наша жизнь переходит в собственность чужих аватаров. Люди становятся ненужными – у них свои проблемы, свои тараканы в голове, их реакция сложнее, чем стандартный набор смайлов. Так не проще ли вообще исключить понятие человека, оставшись один на один с его аватаром и убедив себя в том, что это и есть человек?

Возможность, которая пугает людей, выросших в 1980-е, у поколения 1990-х уже не вызывает ужаса, а поколение 2020-х может осуществить ее и не узнать, что когда-то люди общались без посредства оптоволокна. Так, в Канаде и Китае уже существует традиция заводить детям блоги и аккаунты в социальных сетях сразу после рождения. Таким образом, выбора, присутствовать или нет в виртуальности, люди будущего лишены. Аватар рождается практически одновременно с человеком, и, пока ребенок не станет интернет-пользователем, живет в сети абсолютно автономно.

Между тем, находясь внутри процесса, не чувствуешь ни границы между своими визави и их виртуальными двойниками, ни дихотомии «я» - «персонаж аккаунта». Отсюда – нравы новой эпохи: люди расстаются с помощью интернет-сообщений, браки распадаются из-за виртуальных измен, а сердечные раны, нанесенные крахом сетевого романа затягиваются порой дольше, чем после «земных» отношений. Ибо забыть идеальный образ, порожденный собственной потребностью любить, сложнее, чем реального человека с его недостатками.

Эпоха аватара, бесспорно, оставит свой след в истории человечества. Породит трубадуров, живущих с земными женщинами и воспевающих Прекрасных дам, которых видели только на экране компьютера. И поколение самоубийц, режущих вены, потому что интернет-любимые перестали отвечать на электронные послания.

Если же прибавить к психологическим изменениям появление 5D-технологий, инструментов для виртуального секса, дающих полноценные ощущения физической близости, и прочие эрзацы человеческого, несложно прийти к выводу, что грань между homo sapiens и киборгом постепенно стирается. И пропасть между людьми конца XXI и XXвеков может стать гораздо глубже, чем между предыдущими поколениями. Сам постулат, что человек остается человеком во все времена, сегодня поставлен под сомнение виртуальностью. Конечно, с одной стороны, люди могут оставаться людьми, внешне походя на роботов, как та же электронная книга все равно остается книгой - не важно, читают ли ее, перелистывая страницы или переводя курсор. С другой стороны, мышление человека будущего может перейти на принципиально иной язык, изменив саму его сущность. И человек компьютерный будет так же отличаться от человека книжного, как homosapiens- от неандертальца.

О том, произойдут ли такие изменения и в какой период, доподлинно мы не узнаем, ибо пока перемены затрагивают лишь поверхностные социальный и психологический уровни. Виртуальный мир, выходящий из лона реальности, делает лишь первые самостоятельные телодвижения, а пуповина между жизнью и интернетом еще не разорвана. Виртуальность питается событиями внешней жизни, и эту жизнь копирует, словно тень. Однако тень уже напоминает ожившую тень из сказки Андерсена. Новый мир заявляет претензии на самость, трансформируясь в особое измерение, пядь за пядью отвоевывающее пространство у реальности.

Если принять на веру мысль, что Дарвин перемудрил с теорией эволюции, и люди все же ведут родословную не от инфузорий-туфелек, а от Творца, несложно заметить, что путь человечества идет не по восходящей, а, перефразируя название романа Бел Кауфман, «вниз по лестнице, ведущей вверх».

Читатели первых страниц Ветхого Завета буквально на физическом уровне ощущают дискомфорт людей, изгнанных из Эдема и вынужденных обжиться в новом безрадостном и яростном мире. Если продолжить цепочку и представить, что царство аватаров – следующее за Эдемом и Землей, логично предположить, что новый виртуальный мир будет еще более враждебным человеку, чем голубая планета - изгнанникам из рая.

Это ощущение уже нашло отражение в коллективном бессознательном. Пленники Всемирной паутины все чаще посылают «сокамерникам» призывы отойти от компьютера и отправиться жить настоящей жизнью. Выглядит, конечно, забавно – словно заядлый игрок, вцепившись в рулетку, громко призывает завсегдаев казино отказаться от страшного порока.

Другие поступают мудрее: осознавая масштаб зависимости от социальных сетей, пытаются составить некий кодекс, облегчающий жизнь в интернете. Поскольку надежды на краткого и талантливое Бога в сети уже нет, новые моисеи сами пишут и дают миру косноязычный свод правил. В этих заповедях, в отличие от общеизвестных десяти, есть не только прескрептивная составляющая, но и предупреждение о коварстве нового мира. В них – и катастрофизм, и отсутствие надежды на освобождение. Судите сами:

*не ставь сп с нелюбимыми.
не пиши статусы о своих проблемах.
не добавляй чужих людей.
не удаляй тех, кто дорог.
не раскрывай душу в заметках.
не пиши там то, что пишешь в личных дневниках.
научись рисовать граффити
и скидывать правильные песни на стену.
а на стене, в переписках, не носи чуши,
не пиши то, что нужно всем читать -
они не поймут.
контакт - не поймет.
на аватарки не ставь фото с бывшим.
и прощай к контакту, прощай.
когда злишься, не думай, что написать в статусе:
живи реальностью.
не рисуй признаний в любви,
не заменяй иллюзией чувства, -
иначе ты раствориться:
и если не в самом контакте,
то в его людях.
мы не те,
кем хотим показаться.
думаешь ты ближе тут узнаешь человека?
обман, наебка, подъебка, ложь.
ты не видишь их глаз,
выражения лиц,
не слышишь голоса,
и фото на главной странице тебе не поможет.
не верь этим чувствам, словам,
иначе сложно потом будет.
не заменяй интернет живым общением.
террабайты вашей переписки
ничего не значат, ровным счетом.

лучше возьми телефон,
набери нужный номер и говори,
говори, смейся, чувствуй человека.
не наебывай сам себя.*

*попробуй заговорить в реальности
с человеком, которого встретишь на улице,*

зная что общаешься с ним вконтакте.
заговорить так, как в вашей переписке.
на те же темы, с теми же словами.

выйдет?

реальность - не контакт.

контакт - не реальность

(с) заметка «Заповеди интернетщика»¹.

II

Опытный «сиделец» социальных сетей возразит «Да что вы меня «кошмарите» сказками о конце света?! Ведь происходящее в интернете –просто стеб!».

И будет прав, ибо все, что пишут пользователи социальных сетей, на 90% - действительно в шутку. Если бы у 150 миллионов пользователей «В контакте», помимо личного, был общий пароль как знак принадлежности некому братству, думаю, самым удачным из его вариантов стал бы перефраз Данте: «Оставь серьезность, всяк сюда входящий!»

Но шутка, возведенная в ранг средства коммуникации, перестает быть шуткой и становится языком. А он, как известно, - отражение мира.

Если культура постмодерна лишь обозначила иронию как призму для восприятия действительности, то интернет - главное техническое воплощение эпохи - возвел ее в степень абсолюта. Говорящий серьезно воспринимается в сети, как философ классической школы - в кругу киников: «возможно, друг, мысли твои и верны, но язык явно хромает». Зерна истин, упавшие в почву Всемирной паутины, дают побеги, только если их сеятели – балагуры, циники и парадоксалисты. Хочешь иметь успех? О любви суди с позиции Вальмона и маркизы де Мертей, о браке в духе лорда Генри Уоттона, о жизни, как Печорин, а о смерти, как Франсуа Вийон. Не соблюдающий этих правил – чужой на празднике придуманной жизни.

В одном из интервью Иосиф Бродский, наверняка чувствовавший диктат иронии как господствующего дискурса времени, заметил, что художник к ней обычно прибегает из трусости: *«Ирония – вещь обманчивая. Когда с насмешкой или иронией говоришь о ситуации, в которой находишься, то кажется, что не поддаешься обстоятельствам. Но это не так. Ирония не дает уйти от проблемы или подняться над ней. Она продолжает удерживать нас в тех же рамках. Хоть и отпускаешь шутки по поводу чего-либо отвратительного, все равно продолжаешь оставаться его пленником. И это одно из опасных заблуждений. Это не означает преодоления. Невозможно преодолеть что-либо с помощью иронии...Если видишь проблему, надо с ней бороться. Одной лишь иронией никогда не победишь.*

Ирония – порождение психологического уровня сознания. Есть разные уровни: биологический, политический, философский, религиозный, трансцендентный. Жизнь – трагическая штука, так что иронии тут недостаточно»².

Идея замечательна, но мало жизнеспособна. Освободиться от диктата иронии не только интеллигент, но и обыватель сегодня может, лишь вырвав себе язык. Океан разбитых коллективных мечтаний, разрушенных иллюзий и скомпрометировавших себя великих целей все ближе подступает к островку, на котором доживают свой век идеалы человечества. И все меньше остается разумного, доброго, вечного, не потерявшего статус такового. Кажется, последние несколько десятилетий человеческой истории поставили под сомнение все – от ценности семьи и святости материнства до спасения души и ценности научных изысканий.

Ценность живых носителей информации так же в списке на выбывание.

¹ Орфография и пунктуация анонимного автора сохранены.

² Книга интервью. Иосиф Бродский – М: «Захаров», 2007. – с. 22

Однажды, когда во время разговора с профессором в летах его ученица заметила, что не знает чего-то, но очень хотела бы это узнать.

- Ты можешь спросить у меня, - не без кокетства заметил профессор.

- А лучше – у «Яндекса», - вставила свое лыко я и, заметив перемену в лице ученого мужа, долго не могла понять ее причины. Но позже разобралась.

В лице пользователей поисковых систем в вотчину интеллектуалов врываются варвары, которые, рубя шашками направо и налево, разрушают прекрасные сокровищницы мудрости, унося самые блестящие предметы и не интересуясь остальным. Если раньше привилегия цитировать Сенеку принадлежала избранным, то сегодня, благодаря популярным интернет-цитатникам, его изречениями бросаются по делу и без дела, понятия не имея, кто такой Сенека. Кто-то из критиков заметил: «Сейчас все читают, но никто не любит». Мы же добавим, что сейчас все цитируют, но все меньше читают и действительно уже почти не любят.

Представители молодого поколения, активно пользующегося компьютером и интернетом, перестают соперничать в эрудиции. Конкуренция переходит на уровень скорости поиска информации, а не количества и глубины знаний. Список того, что стыдно не знать образованному человеку существенно сократился, во-первых, из-за падения планки самого образованного человека, во-вторых, за счет увеличения радиуса информационного поля, стремящегося к бесконечности.

Старшее же поколение интеллигенции, которое прожило большую часть лет без современной техники и так и не перешедшее с ней на «т», привыкло развиваться, конкурировать и, наконец, самоутверждаться, с помощью глубоких и разносторонних познаний. Но - с появлением поисковых систем этот способ профессионального и личностного роста дал сбой. Правила игры изменились. Эксперты стремительно теряют функцию носителей информации, которую люди предпочитают получать из собственных источников. Однако человечество все еще нуждается в том, чтобы ему объясняли. Видимо, именно в этом направлении будет развиваться профессия педагога, когда интернет станет господствующим источником информации в учебных заведениях.

Дополнительные проблемы людям книги создают псевдонаучные маргинальные интернет-группы, привлекающих все больше адептов и распространяющие непроверенную, а зачастую просто абсурдную с точки зрения специалиста информацию. Все меньше остается неискаженных теорий, все меньше великих, в чьем грязном белье не порылась бы любопытная толпа, все меньше аксиом, не униженных доказательствами невежд.

Страшно, страшно жить интеллектуалу, не потерявшему веру в ценность знаний, в эпоху постмодерна.

III

Изыявив своеволие и войдя в мир, каждый живой человек несет в себе потенцию смерти. А аватар? Отмечены ли печатью неминуемого конца эти фантомы, порожденные человеческой фантазией?

Аватар как отражение человеческой души (пусть и в кривом зеркале) содержит в себе заманчивое обещание бессмертия в виртуальности. Во-первых, на уровне почти материальным, ведь, как утверждают специалисты, информация в сети может храниться вечно. Во-вторых, приятно щекочет самолюбие идея аватара как следа в истории, для которого теперь не нужно совершать ни великих благодеяний, ни великих злодейств, а просто создать страничку во Всемирной паутине.

С другой стороны, гипотеза обретения вечной жизни с помощью аватара еще не подтверждена, и в последнее время пользователи социальных сетей все чаще задаются вопросом: «Что будет с моим аккаунтом после смерти?». Станет ли он символом жизни

вечной или превратится в подобие виртуальной надгробной плиты, где в дополнение к фотографии появится информация о месте проживания, интересах и список «френдов»? Будут ли знакомые оставлять символические знаки памяти и скорби на странице, или просто удалят профиль из списка друзей, вычеркнув человека из списка живущих? Расскажет ли аватар о том, что его хозяина уже нет в живых? А может быть, потерявшие хозяев страницы будут просто взламываться спамерами и заживут новой жизнью комьявожеров – распространителей дешевого ширпотреба или порнопродукции. О таком ли бессмертии и следе в истории мечтает каждый из нас?

После смерти известного радио-ведущего Геннадия Бачинского несколько лет назад его страница на «Одноклассниках» превратилась в подобие памятника, который посетили тысячи гостей. Среди них были и поклонники, желающие засвидетельствовать свою скорбь, и сотни интернет-вандалов, которые писали на странице погибшего непристойности.

А недавно горячую дискуссию в самих социальных сетях вызвал проект правозащитной организации, которая «воскресила» в «Одноклассниках» погибших солдат, создав аккаунты от их имени. Эта новость возмутило большинство интернет-пользователей. Один из наиболее интересных ракурсов спора велся почти в контексте дискуссии о захоронении Ленина. То есть «воскресение» в виртуальности было воспринято многими как препятствие для успокоения души.

Если интернет перестанет быть необузданной стихией и социальные сети превратятся в регулируемую законом сферу, многие пользователи, вероятно, будут уже при регистрации решать судьбу своих аватаров после смерти.

Другой вариант – интернет сохранит свободу, а аватары - полную автономность. В этом случае сценариев вечной жизни аватаров появится уже бесчисленное количество.

В философии индуизма «аватар» означал воплощение Бога. Если говорить об интернет-аватаре, то в нем индуистская концепция аватара, безусловно, соединилась с понятием бодрийеровского симулякра – копии, лишенной сущности оригинала, пустоты, за которой не стоит человека.

Победит ли человеческий ноль человеческую единицу?

Спросите у «Яндекса».